

Под прицелом - люди в белых халатах

Страшная Январская трагедия полна горя и отчаяния и одновременно беспримерного героизма

18 января 1990 года у врача-реаниматолога Бакинской станции скорой медицинской помощи (БССМП) Кямали Оруджалиевой был день рождения - ей исполнилось 29 лет. Но доктор решила в этот день отдежурить, а торжество перенести на следующий день. Однако и 19 января ее оставили на дежурстве - вторые сутки подряд.

Галия АЛИЕВА,
«Бакинский рабочий»

И это было объяснимо - время было неспокойное, Баку уже несколько месяцев бурлил - то нескончаемые митинги, то баррикады на улицах, чрезвычайное положение, а к вечеру еще сообщили, что взорван энергоблок Азербайджанского телерадиокомитета: телевещание было прекращено и о том, что происходит в городе, можно было только гадать. Все это добавляло работы медикам - вызовы по «скорой» в тот день увеличились многократно, в основном это было связано с острыми сердечно-сосудистыми патологиями - инфаркты, инсульты: напряженная ситуация была еще тем испытанием для пожилых людей.

Пули похожи на светлячков

Поздно вечером, когда реанимационная бригада возвращалась с очередного вызова, в районе Саллянских казарм неожиданно раздались невероятной силы гул и беспорядочные выстрелы - стреляли по окнам и балконам жилых домов, разбегающимся в разные стороны испуганным людям.

Поначалу медицинская бригада, в которой были одни только женщины (кроме водителя, конечно), даже не поняла, что происходит, - видны были только люди, которые падали прямо на землю, да светящиеся в темноте огоньки - трассирующие пули, похожие на стремительно летевших светлячков. Было страшно и совершенно непонятно, что происходит. Из машины невозможно было выйти, настолько плотным был огонь, который велся по безоружным движущимся мишеням. Но автомобиль скорой помощи все-таки остановился несколько раз, подбирая на ходу раненых. А они стали умирать один за другим прямо в салоне белой машины с красным крестом.

Доехали до своей подстанции, где и узнали, что в город вошли войска, открывшие хаотичную и оже-

Одна только кровавая ночь изменила наше сознание. Нам больше не нужен был старший брат, нам нужна была независимость, которая досталась такой ценой. И помнить об этом мы должны не только в очередную годовщину январских событий

сточенную стрельбу. Много раненых и погибших.

В ту ночь у реанимационной бригады не было времени даже присесть на пять минут и передохнуть. Во время очередного вызова по радио сообщили, что убит врач Александр Мархевка. Перед глазами доктора Камы, как ее называли коллеги, всплыли Сашини глаза, его подбадривающая улыбка. «Мы с ним учились в одной школе - №1, потом в медицинском институте, в разных классах и на разных курсах - он был немного старше меня. Потом вместе работали на «скорой»: я в ре-

отверженно трудились мои бесстрашные коллеги Напа Абдулкадырова, Эльмира Мурадова, Салима Султанова, наши фельдшеры и водители. Это не забывается и никогда не забудется, я до сих пор иногда по ночам вспоминаю эти кадры. От перенесенного стресса у меня стали клочками выпадать волосы, потом все это, конечно, восстановилось, а вот душевная рана не затянулась до сих пор», - говорит доктор, устремляя свой взгляд куда-то вдаль, словно пытаясь воскресить те далекие события, разорвавшие небо над ее мирным городом.

И снова она вспоминает доктора Мархевку, подробно рассказывая о последней встрече с ним во время одного из дежурств. Александр сказал, что уезжает с семьей в Израиль, визы уже готовы, через неделю рейс Баку - Тель-Авив. Доктор Кама пошутила: «Ну, это дело надо бы отметить! Когда прощальный банкет?» Саша внимательно посмотрел на нее своими зелеными глазами и сказал: «Такое предчувствие у меня, что я никуда не уеду. Останусь на этой земле».

И остался.

комый прохожий. И стрелявшие прекрасно видели, не могли не видеть его белого халата. Но варварам это было безразлично.

«Я врач, я многое повидала, работая в реанимации, но такого массового убийства мирных граждан не видела никогда. Авторы этого беспредела должны быть наказаны обязательно, а те, кого уже нет в живых, пусть горят в аду. Нет им прощения! Уму непостижимо - человек живет и не знает, что будет через секунду, и эта страшная секунда для жертв Кровавого января наступила 20-го числа», - справедливо гневается человек самой мирной на свете профессии.

Тот январь научил нас быть сильными

- Вы правы, это были страшные дни, полные горя, отчаяния и одновременно беспримерного героизма.

- Тот январь научил нас быть сильными. Мы верили, что советский солдат никогда не поднимет руку на гражданское население. И на референдуме большинство наших граждан проголосовало за сохранение СССР, но одна

анимационной бригаде, он в кардиологической. Прекрасный был кардиолог. Прекрасный. Врач от Бога. И человек замечательный, и товарищ - одни сплошные достоинства», - со слезами на глазах вспоминает доктор Кямалю своего геройически погибшего коллегу.

Смерть витала совсем близко

Справившись с эмоциями и страхом, бригада бесперебойно продолжала свою работу, подбирая на улицах раненых, проводила реанимационные мероприятия прямо в салоне кареты скорой помощи. Но живыми до БССМП довозила не всех, от большой кровопотери и сильнейшего болевого шока раненые умирали прямо на носилках. И тогда их везли в морг.

Страшная расправа над мирным населением города продолжалась и в последующие дни. Медики осознавали, что смерть витает совсем близко, прямо над ними, но оставить свой пост не позволяли совесть и профессионализм.

«Если бы вы видели, как само-

Нет прощения палачам!

В ту ночь, когда его убили, доктор Оруджалиева вместе с доктором Кямилом Рзаевым поехали в морг бывшей больницы Семашко забирать его тело. Вытащили из огромной груды трупов, привезли домой, передали матери.

«Такая мягкая интеллигентная мама была у Саши, - говорит она, - преподавала нам в институте философию. Похоронили его на старом еврейском кладбище в Баку, рядом с отцом, известным скрипачом, а на Аллее шехидов установили его портрет. Теперь цветы ему ношу, кладу на холодную плиту».

Трудно переоценить роль медиков в тех страшных январских событиях. Они сознательно шли на риск, спасая жизни горожан, сутками оставались в операционных, выезжали на вызовы, зная, что шальная пуля может настигнуть их в любой момент в любом месте. Мог ведь доктор Мархевка оставаться в машине, когда она двигалась по улицам. Но он вышел из нее и подбежал к дереву, под которым лежал человек - просто незна-

только кровавая ночь изменила наше сознание. Нам больше не нужен был старший брат, нам нужна была независимость, которая досталась такой ценой. И помнить об этом мы должны не только в очередную годовщину январских событий. О том, как завоевывается свобода, мы обязательно должны рассказывать нашим детям и внукам.

- Доктор, вы поддерживаете отношения с семьей Александра Мархевки, которая сейчас проживает в Израиле?

- Нет, не поддерживаю. Но где-то в социальных сетях видела фото его сына, красивый такой мальчик, на Сашу похож. А если еще и характер отцовский перенял - это просто счастье.

- Часто ли вы встречаетесь со своими коллегами, прошедшими сквозь испытания той кровавой ночи?

- Многих уже нет на этом свете, все-таки прошло более трех десятков лет. А с теми, кто еще жив... Ворочить все это в своей памяти очень тяжело. Просто каждый из нас внутри себя это помнит, конечно. И никогда не забудет. Эта память - навсегда.